

А.И.Менделеева, вторая жена ученого. 1930

—
Пройдя длинный, узкий коридор, всегда производивший на меня впечатление чего-то

таинственного, мы оставляли наше верхнее платье в раздевальной внизу и по узкой чугунной лестнице поднимались в третий этаж, где помещались рисовальные классы, головной, фигурный и натурный. Каждый ученик шел в свой класс и отыскивал свое место. Скамьи со спинками для учеников были устроены амфитеатром перед возвышением, эстрадой для природы. На свое место надо было перелезть через спинку скамьи или же потревожить уже занявших свои места раньше, чего не любили рисующие.

Рисовальные классы начинались только в пять часов вечера и кончались в семь. Живописные классы были утром от 12-ти до 2-х часов. Ученики гипсовых классов красками еще не писали, и утро после лекций у них было свободно. Это время можно было употребить на приготовление к месячному экзамену обязательных рисунков с манекенов или эстампов в библиотеке, делать наброски в батальном классе с лошадей, в музеях, или, наконец, работать дома. Утром от 9-ти до 11-ти читались лекции. Обязательными лекциями для всех были: анатомия, история искусств, перспектива, архитектура, история русская, история церковная. Для неокончивших курс в гимназии читали еще общеобразовательные предметы, математику, русский язык и прочее. Некоторые лекции посещались охотно, например, история искусств (читал проф. Прахов, потом Сабанеев), анатомия (Ланцерт). А другие не посещались совсем. Из-за этого бывали трагические и комические столкновения. Некоторые ученики, например, сбрасывали к экзамену усы и бороду; на замечание профессора, что он его не видел на лекциях, ученик отвечал, что профессор его наверное не узнает, потому что он обрился. Ученицы, которые к таким средствам прибегнуть не могли, были прилежней и ходили раз или два в месяц. Учениц в Академию было принято только 30, а учеников было человек 300. Ученицы были допущены в Академию, как бы на пробу, и пребывание их было не совсем легально. Но раз сделали так: ожидая императора Александра II, в актовом зале выстроили учеников, а впереди поставили учениц. Проходя мимо них, государь сказал: "И барышни тут?" Начальство поспешило сказать несколько слов ему в пользу учениц, и их существование с той минуты в Академии узаконилось. С чувством глубокой благодарности, удивления и даже восхищения вспоминаю о безукоризненном отношении учеников к ученицам. Они были товарищами, но без фамильярности, дружески внимательны без всякой пошлости. Взятый учениками тон по отношению к ученицам был удивительно верный и приятный. Во все время моего пребывания в Академии ни разу ни один не позволил себе даже в шутку никакой вольности. А ведь это были все молодые люди разных классов общества и воспитания. Бывали, конечно, увлечения и даже браки, но это все на серьезной подкладке. С какой гордостью я вспоминала нашу русскую молодежь, когда много лет спустя в Париже в Ecole des Beaux Arts ученицы, допущенные в первый раз в эту школу, были встречены свистками, шиканьем, бросаньем в них разных предметов, а сторожа, защищавшие учениц, серьезно пострадали. Некоторые ученицы ушли с тяжелой душой, чтобы никогда больше не возвращаться, и только несколько храбрых перетерпели все и добились своего. Как же не гордиться нам нашими товарищами, учениками Академии! Напрасно добрейший инспектор Павел Алексеевич Черкасов строго следил за поведением учеников и учениц; даже его зоркий глаз не мог подметить никакой некорректности. Товарищи ученики оказывали услуги, чинили карандаши, носили тяжелые папки, но все это по-дружески. Мы ходили вместе с ними в библиотеку, по

длинным таинственным коридорам, разговаривая об искусстве, о лекциях, выставках. Было между учениками много приезжих, со всех концов России: украинцы, кавказцы, поляки, донские казаки, даже якуты и буряты. Может быть, хорошие отношения установились отчасти и благодаря хорошему составу учениц. Кроме Надежды Яковлевны Капустиной, серьезной и развитой девушки, я больше других знала Ольгу Антоновну Лагода, впоследствии Шишкину, очень красивую брюнетку, талантливую, серьезную; ей было уже около 30-ти лет. Екатерина Захаровна Краснушкина, донская казачка, талантливая баталистка, Зарудная, портретистка, Погосская, дочь писателя Погосского, Боруздина -- племянница Чистякова; ее работы есть теперь в Музее; Лосева, Барсукова, Грязева и другие. Когда я начала рисовать в классах, в головном было так много учеников, что он был разделен на два отделения. Внизу были опытные, рисовавшие головы 2-й год. Капустина и Лагода находились там, а наверху были слабые и вновь поступившие; туда поместили меня. Нам поставили голову Александра Македонского; натура стояла обыкновенно месяц, в то время требовали большой законченности рисунков. Надежда Яковлевна и Лагода поддразнивали меня, они слышали, как дежуривший у нас наверху профессор Клодт, говорил внизу у них, что рисунки наверху очень плохи за немногими исключениями, что трудно даже будет их нумеровать. Я утешала себя тем, что ведь это моя первая работа, а они работают уже второй год и готовились переходить в фигурный класс. Переходить можно было три раза в год по третним экзаменам: осенью, среди зимы и весной. Но каждый месяц работы рассматривались и вывешивались по номерам по достоинству. В конце месяца, подав свой рисунок в первый раз, я стала с нетерпением ждать конца просмотра; в нашем головном было человек сто. Наконец рисунки были проэкзаменованы, развешаны, и нас впустили. Я стала искать свою фамилию с конца, уверенная, что он должен быть между последними; дошла уже до 30-го номера, моего рисунка все не было, наконец вот он -- 16-й. Радости моей не было границ. Начало было гораздо лучше, чем я ожидала и надежды мои засияли. Следующий рисунок я уже делала в 1-м отделении внизу, где работали Капустина и Лагода. Они перешли в фигурный почти вместе, пробыв в головном полтора года, я же оставалась в головном еще одну треть: весной за голову Геркулеса, которую мне пришлось рисовать в плафоне (что труднее) я была переведена в фигурный -- догнала Капустину и Лагodu. Профессорами в то время были Якоби, Верещагин, Шамшин, Виллевальд (баталист), П. П. Чистяков и М. К. Клодт (пейзажист). По скульптуре -- Лаверецкий и фон-Бок. По архитектуре не помню. Дежурные профессора приходили в класс, обходили учеников, делая замечания. Иногда садились на место ученика и поправляли собственной рукой рисунок. Но делали это скучно, машинально. "У вас, извольте видеть, глаз мал, подбородок длинен, нос не на месте", но научить смотреть на натуру, правильному приему они не учили. Исключение представлял Якоби, но он в гипсовых классах не учил. Отдельно от всех надо поставить Павла Петровича Чистякова. В первый раз я его увидела на второй год моего пребывания в Академии, когда перешла в фигурный класс. В головном он не преподавал. Я в первый раз рисовала целую человеческую фигуру, кажется, Германика. Увлечшись рисунком, я не видела никого и ничего, кроме стоявшей передо мной ярко освещенной гипсовой фигуры да своего рисунка. Чье-то покашливание заставило меня оглянуться. Я увидела нового для меня профессора -- худощавого, с негустой бородой, длинными усами, большим лбом, орлиным носом и светлыми блестящими глазами. Он стоял на некотором расстоянии от

меня, но смотрел на мой рисунок издали, скрывая тонкую улыбку под длинными усами. По своей неопытности, я сделала странные пропорции тела Германика. Павел Петрович кусал губы, сдерживая смех, потом вдруг быстро подошел ко мне, легко перешагнув спинку скамьи, сел около меня, взял из моих рук резину и карандаш и уже серьезно начал поправлять ошибки. Тут я услышала слова, оставшиеся в памяти моей на всю жизнь: "когда рисуешь глаз, смотри на ухо!" Не сразу я поняла мудрость этого. Прекрасно нарисованная часть лица или фигуры не выразит ничего, если она поставлена будет не на месте и не в гармонии с остальными частями. Но никакое, самое подробное объяснение не произвело бы такого впечатления и не запомнилось бы так, как загадочное "когда рисуешь глаз, смотри на ухо!" Сознательно или нет, но Павел Петрович всегда говорил афоризмы, которые запоминались, передавались, летели быстро не только по Академии, но и за ее пределы. Павел Петрович был, что называется, самородок. Всего он достиг собственным умом и чутьем. Общее образование он получил в Академии, а оно было поставлено очень слабо. В Академии Павел Петрович пробыл учеником долго, лет 10. Получил за программу "Софья Витовтовна срывает пояс" золотую медаль и был послан за границу. Он оставался все время в Италии, главным образом в Риме. Там он проникся на всю жизнь благоговением к старым мастерам и изучал их, но больше созерцанием и размышлением. Больших работ из-за границы он не представил. Возвратясь в Петербург, он получил место профессора Академии Художеств и женился. О своей женитьбе он рассказывал, что, будучи еще учеником Академии, отыскивая кого-то по данному адресу и войдя в какой-то двор, он увидел 9-летнюю девочку, в то время ему не знакомую, и вдруг ему ясно пришла в голову мысль, что она будет его женой. Через много лет это совершилось, он женился именно на ней. Когда он возвратился из Рима, она была уже взрослой девицей. Павел Петрович горел любовью к искусству и изливал ее в своем преподавании и речах. Сам работал, казалось, мало, ничего не выставял. Годами стояли в его мастерской неоконченные картины -- "Мессалина", "Христос, окруженный детьми". Многие объясняли это просто ленью. Это неверно. Он был одержим стремлением к высшему идеалу, недостижаемому. Никогда не удовлетворяясь своими работами, он их писал и переписывал, но требования его были слишком велики. Такое строгое отношение к своим работам он прививал и ученикам. Припоминаю случай, бывший со мной. Один раз, когда я работала в мастерской Павла Петровича, он вдруг подходит ко мне и спрашивает, не желаю ли я взять заказ, сделать карандашом "Последний день Помпеи" Брюллова. Удивленная смотрю во все глаза на Павла Петровича. Он повторил опять то, что сказал, прибавив, что мне нет надобности знать, кто делает этот заказ. Но, сказал Павел Петрович, принимать работу будет он. Была сказана и плата (кажется, 200 руб.). И это мне, ученице, Павел Петрович доверяет такой заказ! Не веря своим ушам, задыхаясь от счастья, я поблагодарила и согласилась. Скоро принялась и за работу. Работала в свободное от Академии время с жаром, усердно; наконец, окончила и сказала об этом Павлу Петровичу. Он пришел, внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал. "Хорошо, хорошо. Теперь возьмите чистый лист бумаги и начните сначала, следующий рисунок будет еще лучше". Тут же выяснилось, что заказ сделан Дмитрием Ивановичем Менделеевым для "кого-то". Дмитрия Ивановича я тогда еще мало знала. Узнав от Павла Петровича, как идет работа, он приехал посмотреть сам и потом написал Павлу Петровичу письмо. Я его помещаю, потому что в нем Дмитрий Иванович говорит о характерной черте Павла Петровича, о которой я уже упоминала -- непоколебимой

строгости.

—
Москва. 12 декабря 1927 г.

Менделеев в жизни

*Вступительная статья и примечания М. Цявловского. Издание М. и С. Сабашниковых
1928 Записи прошлого. Воспоминания и письма под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского
ОСР Ловецкая Т. Ю.*